

Солженицын Александр

13.01.98

ПЛОТНОСТЬ ТВОРЧЕСТВА И ОБЪЕМ ЖИЗНИ

Феномен публицистики Александра Солженицына

Борис Любимов

В КОНЦЕ 1997 года ярославское издательство «Верхняя Волга» завершило трехтомное издание публицистики Александра Солженицына. Помимо коротких предисловий, в последний том вошли статьи и интервью 1982–1994 гг., опубликованные на Западе.

Особенность тома публицистики в том, что, смею думать, едва ли не добрая его половина вряд ли была известна даже тем, кто внимательно изучает творчество Солженицына – некоторые тексты раньше не публиковались или издавались на иностранных языках и не перепечатывались в России, наконец, интересно далеко не всегда носили авторизованный характер. А поскольку за без малого четыре года после возвращения писателя отечественные читатели и зрители прочитали и увидели Солженицына в достаточной (хотя и не в полной) мере, можно сказать, что теперь он известен читающей и любознательной России весь – постольку, поскольку он сам хочет быть знакомым своим читателям. Это тем более важно, что, судя по последним его рассказам и крохоткам, и в особенности по «Завесе», опубликованной в №10 «Нового мира» за 1996 г., сам Солженицын проживает новый этап жизнетворчества под знаком «благословенного незнания» ближайшего будущего, с ощущением благодарности за то, что «еще один полный день даровал мне Господь!»

ЭФФЕКТ ОБМАНУТОГО ОЖИДАНИЯ

Парадокс публицистики Солженицына в том, что он, по его же словам, занимался ею «поневоле». Но слишком много уделил ей внимания и слишком много было удач у писателя в журналистике, несмотря на утверждение о принципиальной разнице «между писателем с одной стороны и журналистом с другой», чтобы эту грань солженицынского дарования считать чем-то случайным и преходящим. Мыслитель, политик, литературный критик-исследователь и хлесткий polemист, почти фельетонист – все это причудливо сочетается в писателе, «архисте-новаторе», как сказал бы Тынянов; «прогрессивном консерваторе», или, как сказал бы Петр Струве, «просвещенном консерваторе».

Ломоносовская идея «сопряжения далеко-

вятых идей» как основы творчества нашла в Солженицыне свое причудливое и законченное выражение. Важнейшие категории автопиэтики писателя – «плотность» и «объем» («объемное представление», «объемность»), причем в парадоксальном сочетании: «большая плотность в малом объеме». Языковая интуиция писателя и – конструкция инженера, математика, «комбинирующего жанры». Реалист, сочетающий в себе историка и пророка – своеобразный «историко-пророческий реалист». Сильно упрощая, можно было бы сказать, что Достоевский от новостях свежего номера газеты рвался угадать будущее, от «своевременной минуты нашей внутренней жизни» к «будущим итогам настоящих событий».

Солженицын, погруженный в текущую жизнь с заинтересованностью газетчика, от точки нового факта проводит линию (и не одну) назад, стремясь определить корни этого факта в прошлом, и вперед, намечая последствия и перспективы. В исторической эпопее реальные исторические персонажи показаны изнутри, а вымышленным придано почти историческое бытование. Грань между ними стирается, как стирается грань между читателем и Историей – частные, «вымышенные» лица, мы живем в ней и ее творим. В «автобиографических» романах Солженицына действует бесчисленное количество прототипов, узнававших себя в преображенном зеркале... Кстати, «зеркало» – важнейший мотив пьесы Солженицына «Пир победителей», и мне приходилось встречаться на ее премьере в Малом театре и реального участника событий 25 января 1945 года, и живых потомков одного из главных героев этой пьесы Доброхотова-Майкова. Грань между творчеством и жизнью уменьшается, но не стирается. Жизнь и творчество «вглядываются» друг в друга, опознают себя. Тема творчества своей жизни, делания самого себя – «сквозное действие» всей жизни писателя, во всяком случае, последних пятидесяти, поддающихся изучению и осмыслению, лет.

Это «сквозное действие» вызывает в памяти и другой термин Станиславского – «сверхзадача». (В терминах Солженицына этому соответствует «высший принцип».) «Сверхзадача» жизни определяется для Солженицына ее верой в Бога...

...Читатель солженицынской публицистики не раз будет сталкиваться с «эффектом обманутого ожидания»...

Так вот, Бог – Источник и конечная цель

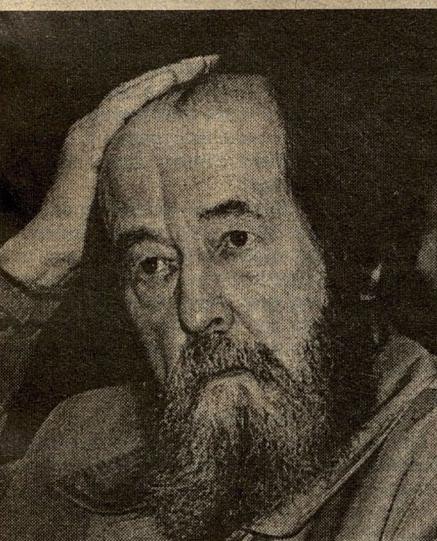

Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

жизни и творчества писателя. («Вера в Бога – это самое, может быть, трудное и высокое, что есть перед человеком и перед человечеством.») Читатель ждет уж слова «теократия»... и получает: «У американской интелигенции существует абсолютно твердое убеждение <...> что я хочу для России теократии, владычества священства. Я никогда, нигде не говорил, что Россией или какой-либо страной должны руководить священники, и никогда, никто не привел ни одной цитаты – но сотни интеллектуалов хором повторяют: «он нархист, он заядлый царист, он проповедует теократию!» Вот так добросовестно они меняются истолковывают».

«Добросовестные истолкователи» называли Солженицына фундаменталистом. Хорош фундаменталист, ни разу не процитировавший Святых Отцов! Солженицын опирается на значимую для него традицию «православных мыслителей от Алексея Хомякова до Сергея Булгакова», отмеченную им в «Слове при получении Темплтоновской премии» в Букингемском дворце 10 мая 1983 года. (В темплтоновской лекции со средоточена и «личная теология» Солженицына: «Если бы от меня потребовали назвать кратко главную черту всего XX века, то <...> я не найду ничего точнее и содержательнее,

чем: «Люди – забыли – Бога». Отсюда и противопоставленные веку террора, как в другом месте писатель назвал заканчивающийся век, «упорные поиски теплой Божьей руки», что опять-таки никак не характерно для «фундаменталистов».) Да и имени Лосского или Франка, традиция «Вех» для писателя не «Закон Божий», а источник тем и размышлений. Да какой «православный фундаменталист» назовет нынешнего Папу Римского «благодатью Божьей». А Солженицын не только назвал в свое время, но и в парижской телепередаче 17 сентября 1993 года, когда ему напомнили эту фразу, не отказался от своих слов: «То, что я сказал о Иоанне Павле Втором, я могу повторить. Я считаю это великим счастьем, ничего другого добавить не могу». Но тут же добавляет фразу, которую не пропустит ни один из «православных экзистенциев»: «Я считаю, что сегодня в мире христиане все должны быть заедино, а не в соперничестве; у католиков много повсюду упущенное настыри, и лучше бы католикам заниматься ее спасением, а не смотреть на Россию, как на пустыню, которую надо стараться занять под католицизм». (В этих суждениях сказалаась важнейшая черта личности Солженицына – абсолютный иммунитет к общественному мнению, тому «идеологическому полю», что, согласно убеждению писателя, направило руку убийцы Столыпина.)

Исторические идеи Солженицына можно было бы скжато сформулировать примерно так: средневековая теократия, при всех ее достоинствах, слишком сильно сжала человека в своих объятиях, ему стало тесно и трудно существовать. Возрождение и в особенности Реформация и Просвещение освободили жизнь и мысль человечества, но на том пути человек совсем оторвался от Бога. «Разделение христианства» сначала на Западную и Восточную Церкви, затем – на Западе – на католицизм и протестантизм, а в России – раскол XVII века Солженицын считает одной из великих трагедий человечества. В XIX век человечество входило обезображенными, и это сделало XIX век веком захватнических войн, а XX – веком террора, частным случаем которого является «запредельное, умноехватимое зло коммунизма». Перед лицом испытаний, ожидающих нас в XXI веке, единство христианской цивилизации есть просто условие ее спасения.

КОСМОПОЛИТИЗМ ВЫШЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА

И Солженицын произносит слово, пятьдесят лет назад уже звучавшее в нашей стране и, казалось бы, неожиданное в его устах: «Я бы противопоставил ему (интернационализму. – Б.Л.) понятие космополитизма, который я ставлю гораздо выше. «Интер» – это латинское «между»; значит, «интернационализм» самим своим словом показывает, что он не впитывает в себя нации, он именно «интер», он между ними. Вопреки их официальным заявлениям, коммунисты подавляют все национальные культуры. А космополитизм – напротив, объединяет, впитывает в себя все национальные культуры. Для этого понятия у Достоевского было слово «всечеловек» и «всечеловечество». Но только космополитизм должен быть действительно честным, последовательным до конца. К сожалению, в Европе долгие века космополитизм понимался как только всеевропейский, объять всю Европу, но не весь мир. На самом же деле человечество состоит из многих культур, которые вовсе не идут параллельно друг другу. Мы должны с таким же уважением относиться к культуре, не говорю уже Древнего мира и библейства, но и к мусульманской, к индийской, китайской, японской, русской, каких-нибудь маленьких северных народов заполярных и каких-нибудь Полинезийских островов. И вот, если мы с уважением отнесемся к ним ко всем, это будет космополитизм. Если мы не будем проявлять, так сказать, европейского шовинизма, то есть: делайте все как мы, живите все как мы – и тогда все будет правильно».

Вот удивляется оппоненты Солженицына из лагеря «наследников космополитов», узнав, что их полку прибыло, задно и «наследники борцов с космополитизмом». Но для писателя, считающего, что каждая нация – Божья личность: грузин и абхазец, армянин и турок, русский и чеченец, взгляд этот органично и естественно вытекает из христианского постулата: несть эллин, ни иудей, но вселенная и во всех Христос. И также органично противопоставление патриотизма («Я – патриот, то есть я люблю свою родину и хочу, чтобы она, большая родина, 70 лет разрушаемая, на грани смерти, – чтобы она возродилась») «национализму» и шовинизму. (Для специально интересующихся проблемой: «Я бы предложил, например, такое определение: антисемитизм – это пристрастное и несправедливое отношение к еврейской нации в целом. Ясно, что не только нет его у меня, не только нет в «Августе Четырнадцатого», но оно

невозможно вообще в художественном произведении, невозможно ни у какого художника, – ибо художественное произведение всегда дает объемность, реальность, и никогда не делает пустых обобщений, иначе оно не будет художественным» – своеобразное онтолого-эстетическое доказательство невозможности антисемитизма.) Отвержение идей «панславизма» – из того же корня.

Среди ровесников Солженицына (для которых 1998 – год восьмидесятилетия), вообще в его поколении – ни среди писателей, ни среди ученых и мыслителей – не нашлось никого, кто построил бы столь «плотное и объемное» здание своих убеждений, неторопливо и искусно, как Иван Денисович клал кладку. Прокверяя справедливость суждений Солженицына по частностям, стоит прислушаться к его «прогнозу» – ведь это одно из принципиальных свойств его мышления. Последние фразы по следнему интервью на Западе звучат так: «Если смотреть далеко в будущее, то можно прозреть в XXI веке и такое время, когда США вместе с Европой еще сильно возбуждаются в России как в союзнице...

Это загадочно для тех, кто не видит вдалеке, и не видит, какие силы растут в мире».

Солженицын указывал на количественное увеличение третьего мира, который в XXI веке составит 5/6 человечества. А ведь еще Герцен опасался появления «Чингиз-хана с телеграфом». Возможность того, что в XXI веке ситуация в Алжире может быть перенесена на европейскую территорию стоит допустить хотя бы в целях сохранения последней. Да и дядя Том может выйти из хижины и задуматься над судьбой своих потомков, из которых лишь горстка гонят мяч в НБА и откусывают уши своим соперникам на боксерских подиумах...

...Один из персонажей Булгакова написал на печке: «Союзники – сволочи». Другой сказал, что швондеры – самые большие дураки. Возможно, судьба ХХ века зависит от того, в какой мере «союзники» перестанут быть сволочами, а наши политические швондеры – дураками, но эта тема еще не написанной Жизни книги.

Пятнадцать лет назад французский телеведущий спросил писателя, что ему пожелать к 65-летию? Солженицын ответил: «Я был бы благодарен, если бы вы мне пожелали успеть закончить «Красное колесо» и еще жить, а не только в виде книг, вернуться в Россию». Как видим, невероятные замыслы писателя сбылись с лихвой. Я не знаю, о чем думает Солженицын в год восьмидесятилетия, а сам бы пожелал ему той же «плотности» для выражения открывающихся ему новых и главных сторон бытия.

